

В.В. Перхин

**Андрей Платонов весной 1935 года
(по поводу письма В.Б. Шкловского к писателю)**

**Andrei Platonov spring 1935
(About Writing V.B. Shklovsky to the writer)**

Аннотация: В основе статьи – неопубликованное письмо В.Б. Шкловского к А.П. Платонову, в котором дана оценка рассказа «Такыр». Анализ письма в соотношении с сопутствующими ему обстоятельствами показывает, что критик выполнял задание политического руководителя Союза советских писателей, стремившегося привести творчество этого писателя в соответствие с общим стандартом.

Ключевые слова: А.П. Платонов, В.Б. Шкловский, «Такыр», Союз писателей, А.С. Щербаков, трагизм

Abstract: At the heart of the article – unpublished letter V.B. Shklovsky to A.P. Platonov, which assessed the story «Takyr». Analysis of this letter in correlation with its attendant circumstances shows that the critic on a mission to the political leader of the Union of Soviet Writers, who sought to bring the creativity of the writer with the overall standard.

Key words: A.P. Platonov, V.B. Shklovsky, «Takyr», writers' Union, A.S. Sherbakov, tragedy

В известных работах Н.В. Корниенко дана документированная летопись жизни и творчества А.П. Платонова в 1934 и в начале 1935 г.¹ Известно и главное во взаимоотношениях А.П. Платонова и В.Б. Шкловского². Однако новый документ может осветить подробностями или укрупнить знакомое.

¹ См.: *Корниенко Н.В.* История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. №1. С. 224–239; «Размышления читателя»: Николай Никитин – рецензент рассказа «Такыр» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. Юбилейный / Ред.-сост. Н.В. Корниенко. М., 2003. С. 727–740.

² См.: *Галушкин А.* К истории личных и творческих взаимоотношений А.П. Платонова и В.Б. Шкловского // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сб. / Сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Корниенко и Е.Д. Шубиной. М., 1994. С. 172–183.

Таким является, на мой взгляд, письмо критика к писателю в 1935 г. Оно не было отправлено адресату. Лист с письмом, вероятно, «прилип» к кино-сценарию, который Шкловский послал на «Ленфильм». Так оно попало в Ленинград и сохранилось в архиве киностудии³. Но прежде чем говорить о его содержании, следует остановиться на предыстории.

В 1930 г. Кукрыниксы нарисовали шарж, изобразив Шкловского в виде двуликого Януса. Левый, затылочный профиль с закрытыми глазами показывает смиренного и покорного человека, на лицевом профиле застыла ухмылка, полуоткрытый глаз косит, наблюдает, высматривает⁴. Художники почувствовали и точно передали двойственность критика. Гораздо позднее это наблюдение подтвердили исследователи: к началу 1930-х гг. для Шкловского «Раздвоенность стала привычной»⁵. В «Литературной газете» он объявил формальный метод «научной ошибкой», но в глубине души оставался ему верен. Сохранив убеждение, что в искусстве и в произведениях художника не должен отражаться «цвет флага над крепостью города»⁶, критик тем не менее требовал, чтобы деятели искусства вырабатывали необходимую «идеологическую походку». Л.М. Леонову он так и говорил: нужно сделать «идеологию своей художественной походкой»⁷. Оставаясь в теории противником зависимости литературы от политики, Шкловский помогал подчинять писателей интересам власти. Этим занимались тогда многие критики. Своеобразие положения критика-формалиста, взявшего на себя политические обязанности, заключалось в том, что он это делал не только как критик, но и как лицо, приближенное к власти. Он разговаривал с художниками не только от своего имени, но и по заданию политических руководителей литературы.

Как известно, в начале 1930-х гг. большевистская власть стремилась добиться от художников полной лояльности к «социалистическому укладу». Те, кто оставался верен своей творческой индивидуальности, подвергались проработкам в печати. Хорошо известно, как тогда воздействовали на Платонова. «Идеологические порки» устраивали и другим писателям. Была она и у Б.Л. Пастернака. Его «идеализм» трактовали как «уход от пролетариата в

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 12. Ед. хр. 28. Л. 46–46об. – Машинопись, первый экземпляр, подпись – автограф фиолетовыми чернилами. Письмо не датировано. Дата определяется по содержанию и соседнему материалу архивного дела – письму редактора киностудии Ленфильм А.И. Пиотровского к Шкловскому от 15 апреля 1935 г. Благодарю сотрудников читального зала ЦГАЛИ СПб. за помощь в поиске материалов о Платонове.

⁴ См.: Кукрыниксы об искусстве. Шаржи, карикатуры. Альбом / Сост. В.Р. Герценберг. М., 1981. №14.

⁵ Чудаков А. Два первых десятилетия // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / Сост. А.Ю. Галушкина и А.П. Чудакова. М., 1990. С. 29.

⁶ Шкловский утверждал это в рецензии на «Мистерию-буфф» В.В. Маяковского (Искусство коммуны. 1919. 30 марта). Цит. по: Гвоздев А.А., Пиотровский А.И. Петроградские театры и празднества в эпоху военного коммунизма // История советского театра. Т. 1. Л., 1933. С. 220.

⁷ [Шкловский В.Б. Выступление на дискуссии о романе «Дорога на Океан», март 1936 г.] – РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 6.

стан его прямых врагов»⁸. И это не оставалось без последствий. В декабре 1934 г. он откровенно сообщил родителям: «Ничего из того, что я написал, не существует. <...> ...я спешно переделываю себя»⁹. И далее сформулировал сущность этой насильственной перестройки: «Я стал частицей своего времени и государства, и его интересы стали моими»¹⁰.

Платонов тоже стремился в какой-то мере соответствовать требованиям власти. В письме к И.В. Сталину от 8 июня 1931 г. он обещал «искупить свою вину» в связи с повестью «Впрок» и избавиться от «духа иронии, двусмысленности, ухищрений, ложной стилистики»¹¹. Однако в процессе творчества «моцартианская» сущность Платонова (как и других выдающихся художников) оказывалась сильнее рациональных устремлений. Власть утверждала, что советская литература «насыщена энтузиазмом и героикой», она «оптимистична» и создала «талантливые произведения, правильно и правдиво рисующие жизнь нашей советской страны»¹². Платонов и после данного Сталину обещания исправиться продолжал творить внутренне свободно и не мог поставить политическую правильность выше правды жизни. Это подтверждали его новые произведения. Например, прочитав в феврале 1933 г. рукопись повести «Ювенильное море», А.В. Луначарский записал в дневник: «...злая, печальная и почти страшная пародия Платонова, которая, конечно, не пройдет в печать»¹³. И он не ошибся. Критик О.С. Резник в рецензии для издательства сделал вывод: «...отрицательные явления жизни столь выпячены, что в общем создают картину сплошной бракованности всей системы»¹⁴.

Шкловского в то время тоже «ругали» «каждый день»¹⁵. Не обладая равной Платонову «темной волей творчества», его «сильной тягой к настоящему реализму»¹⁶, он быстро согласился с директивами власти: «техника решает все»; о трагизме современной жизни писать не надо. В 1931 г. появилась его книга очерков «Поиски оптимизма», в которой утверждался приоритет техники. С удовольствием описан стоящий в поле «дальний трактор с заострен-

⁸ См. обзор высказываний критиков: *Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В.* Комментарии // Пастернак Л.Б. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. Т. 3. Проза. М., 2004. С. 553.

⁹ Там же. Т. 8. Письма. 1927–1934. М., 2005. С. 757.

¹⁰ Там же. С. 758.

¹¹ Цит. по: *Мальгина Н.* Комментарии // Платонов А.П. Эфирный тракт. Повести 1920 – начала 1930-х годов / Под ред. Н.М. Мальгиной. М., 2009. С. 542, 544.

¹² Речь секретаря ЦК ВКП(Б) А.А. Жданова // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет / Под ред. комиссии в составе: И.К. Луппол, М.М. Розенталь, С.М. Третьяков. М., 1934. Репринт: М., 1990. С. 3, 4.

¹³ Цит. по: *Перхин В.В.* Русские литераторы в письмах (1905–1985): Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 96.

¹⁴ Цит. по: *Корниенко Н.В.* История текста и биография А. П. Платонова... С. 170

¹⁵ *Эйхенбаум Б.М.* О Викторе Шкловском // Эйхенбаум Б.М. О литературе. Работы разных лет. М., 1987. С. 444.

¹⁶ *Шкловский В.* Об Андрее Платонове / Публикация А. Ю. Галушкина // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сб. С. 182.

ными концами, как будто он подводная лодка»¹⁷. Шкловский заглядывал и в инкубаторы, поставленные в «больших, одинаковых, чистых» избах, в которых «жили кулаки»¹⁸. Но судьба кулаков его не интересовала. Он предпочел сообщить читателю о «деревенском активе», который был «за коллективизацию»¹⁹.

Из сказанного ясно, что взгляды Шкловского были далеки от раздумий автора «Котлована», показавшего трагизм насильственной коллективизации. И позднее, например, в начале 1934 г., они оставались прежними. Платонов говорил, что «литература должна быть криком», должна показывать «трагическое напряжение». Считая «Поднятую целину» «самой честной вещью из колхозных», он все же отметил, что М.А. Шолохов «кое-где художественно вуалирует трагизм и резкость столкновений»²⁰.

Но взгляды Шкловского были весьма близки к убеждениям первого секретаря Союза писателей СССР А.С. Щербакова, взявшего на себя труд цензора произведений Платонова. К этому обязывала ироническая характеристика стиля рассказа «Такыр» в заметке газеты «Правда»²¹.

Вскоре после этой статьи Щербаков пригласил прозаика в свой служебный кабинет и потребовал ««сейчас же» написать совершенно ясную политически вещь, иначе... будет плохо»²². Воспитательную работу он продолжил 5 марта 1935 г. в речи на Пленуме Союза писателей. Сначала Щербаков осудил, не упоминая имени автора, никому не известную статью «О первой социалистической трагедии»²³. Его не удовлетворил ответ Платонова на вопрос «в чем смысл современной исторической трагедии?». Платонов-гуманист утверждал: «Смысл, по-моему, в том, что техника решает всё». С точки зрения Щербакова, этот ответ – «реакционный», к тому же, говорил первый секретарь, он «перекликается с Шпенглером, хотел этого автор или не хотел. Эти мысли отражают философию враждебных социализму элементов»²⁴. Философские размышления Платонова он оценивал с позиции политической правильности.

¹⁷ Шкловский В. Поиски оптимизма. М., 1931. С. 120.

¹⁸ Там же. С. 126.

¹⁹ Там же. С. 128.

²⁰ Цит. по: Гончаров В., Нехотин В. Андрей Платонов в документах ОГПУ – НКВД – НКГБ. 1930–1945 // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный / Ред.-сост. Н.В. Корниенко. М., 2000. С. 856.

²¹ См.: Никитин Н. Дремать и видеть наполовину // Правда. 1935. 18 янв. С. 4.

²² Гончаров В., Нехотин В. Андрей Платонов в документах ОГПУ – НКВД... С. 857.

²³ Статья сохранилась в архиве Щербакова и была опубликована автором этих строк. См.: Русская литература. 1993. №2. С. 204–211; перепечатана в кн.: Платонов А.П. Фабрика литературы: Литературная критика. Публицистика / Сост., коммент. Н.В. Корниенко. Подгот. текста Н.В. Корниенко и Е.В. Антоновой. М., 2011. С. 640–644.

²⁴ Второй Пленум Союза писателей СССР. Речь А.С. Щербакова // Литературная газета. 1935. 10 марта. С. 3.

Этот подход определил и оценку рассказа «Такыр», который был опубликован в сентябрьском номере журнала «Красная новь» за 1934 г. «Через весь рассказ, – утверждал Щербаков, – проведена философия обреченности людей и культуры»²⁵. Докладчик подчеркнул, что «несовершенство людей» Платонов показал «независимо от их классового происхождения». При этом цензор напомнил слушателям об истории с повестью «Впрок»: не так давно Платонов «с кулацких позиций обстреливал индустриализацию, коллективизацию»²⁶.

Далее Щербаков коснулся рассказа «Скрипка» из журнала «30 дней» и увидел в нем «старую, затрепанную идею о том, что искусство стоит вне политики, что оно живет по своим законам, не подчиняется людям и не поддается руководству». Упомянул он и незнакомый слушателям рассказ «Семейство»²⁷, в котором заметил мысль о том, что круг человеческой жизни «страданиями начинается, страданиями кончается»²⁸.

Произведения Платонова не подтверждали тезис об «оптимизме» литературы, поэтому вывод цензора был такой: позиция Платонова противоречит взглядам «подлинных героев, заседающих в Кремлевском дворце на VIII съезде советов и на II съезде колхозников-ударников», которые говорят, «как хорошо и радостно жить». Как бы от их имени он говорил писателю: «... если раньше твои произведения были талантливы, то твои последние рассказы и с точки зрения художественной формы имеют ничтожную ценность»²⁹. Щербаков вполне по-ждановски призвал Платонова: «...перестраивайтесь, подравнивайтесь под общий фронт советской литературы, мы вам в этом всячески поможем, а иначе скоро читатель просто забудет вас».

Реакция Платонова на эту угрожающую критику была, кажется, спокойной: «Меня покрыл Щербаков за Такыр»³⁰. Секретарь партийного комитета Союза писателей Д.А. Марченко вызвал Платонова и неожиданно встал на сторону писателя: «Щербаков перегнул»³¹. Со слов Платонова известно, что члены Правления Союза писателей при встречах с ним «хвалили» «Такыр» и говорили, что Щербаков покрыл зря, просили не придавать этому значения³². Однако публичной поддержки сразу после доклада Щербакова никто не оказал, и Платонов недоумевал: «Почему же они молчали, когда слушали его?»³³

Вероятно, первый секретарь знал об этих настроениях и не очень верил в эффективность своей публичной «идеологической порки». Необходимо было

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Рассказ сохранился в архиве Щербакова и опубликован автором этих строк. См.: Москва. 1994. №1. С. 91–97.

²⁸ Второй Пленум Союза писателей СССР. Речь А.С. Щербакова. С. 3.

²⁹ Там же.

³⁰ Гончаров В., Нехотин В. Андрей Платонов в документах ОГПУ – НКВД... С. 859.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

продолжить воздействие на писателя. Здесь и пригодился Шкловский. Критик был вхож в кабинет литературного начальника. Об этом узнаем из первого абзаца неотправленного письма: «Дорогой Андрей Платонов! На заседании Президиума Союза Советских писателей, на котором случайно присутствовал по делу книги «Люди Второй Пятилетки», при обсуждении отчета «Красной Нови», разговор зашел о тебе и о «Такыре». Я говорил о том, что [со] стороны тов. Щербакова было неправильно, указывая на ошибки в твоей вещи, говорить, что она плохая».

«После заседания, – продолжал Шкловский, – говорили со мной т. Щербаков и т. Беспалов (И.М. Беспалов. – В. П.) и просили передать тебе разговор, что я и делаю».

Щербаков говорил, что изучал твои вещи и считает «Такыр» хуже, чем «Впрок», для него утверждение о понижении качества твоих вещей вопрос не только тактики, что неправильно утверждать про писателя, который имеет в литературе влияние вредное, что он писатель хороший.

Лично к тебе и у Щербакова, и у Беспалова отношение, надо сказать, хорошее, т. е. тобою они совсем не бросаются».

Большую часть письма занимает отзыв о рассказе «Такыр»: «Писатель ты совершенно замечательный, но безрадостный. “Такыр” – вещь страшная и страшная потому, что в ней отнята мотивировка поступков, радость жизни».

Любовь совершается, как приговор, мир лишен оправдания и обесмыслен. <...>

Дело идет о жизнеотношении, и я не знаю, что тут можно сказать, когда ты так видишь вещи. <...>

Качество литературы, без которой мы погибнем, есть у тебя и у очень немногих».

Очевидно, что критик, желавший увидеть в «Такыре» «радость жизни», вторил первому секретарю, который уверял, что проза Платонова не говорит нам, как «радостно жить».

Далее Шкловский как бы подтверждал тезис Щербакова о том, что Платонов «имеет в литературе влияние вредное». Он сказал, что Платонов оказал «очень сильное» влияние на Вс.В. Иванова «в эпоху «Бригадира Синицына»». Но это влияние было дурным, так как в результате у Иванова «получалась безрадостная пародия на жизнь».

Письмо построено на чередовании комплиментов и порицаний. Кажется, что и этот прием Шкловский позаимствовал у первого секретаря. Критик одобрял словесное искусство Платонова и осуждал направление мысли, видение мира: «Ты очень нужен в советской литературе и это горе, в которое ты ушел, во имя которого ты убиваешь в себе оптика, не допускаешь встречи людей, оно должно быть пройдено, ты должен дойти до водонепроницаемого слоя, иначе, ты знаешь, ирригация невозможна. “Впрок” менее безнадежная вещь, чем “Такыр”». Критик принимал словесное новаторство произведений Платонова и отвергал их содержание. Это было своеобразное торже-

ство логики основоположника формального метода, который когда-то писал о важности «затрудненной формы, увеличивающей трудность и долготу восприятия <...>; искусство есть способ пережить деланье, а сделанное в искусстве неважно»³⁴. С удовольствием, вероятно, переживая «деланье» писателя, его «затрудненную форму», Шкловский, став политическим критиком, вынужден был подобно С.А. Венгеру, нелюбимому им деятелю культурно-исторической школы, сосредоточиться на содержании.

Мысль Шкловского вертелась вокруг тех же недостатков, которые отмечал Щербаков. И цели у них были одинаковые – сделать из Платонова «оптика», оптимиста, певца радости и «счастливого человека», отвлечь от трагизма, которым была проникнута жизнь народа. Только Шкловский делал это тоньше и с такими аргументами, которые Щербакову были недоступны. Например, зная об увлечении Платонова творчеством А.А. Блока, критик писал: «Нужно, по-моему, подумать о себе в плане мира. Ты помнишь, как в предисловии к “Возмездию” Блок закрепляет картину мира, которая происходит вокруг него, упоминает о чужих стихах, французской борьбе и угрозе войны».

Как видим, Шкловский мыслил в духе теории формализма, только теперь у него речь шла не об устаревших приемах, а о ненужном трагическом содержании, о замене трагизма жизни спортивной и военной темой.

Такие темы в то время поощряло политическое руководство. Писатели и художники откликались на это задание. Например, К.Ф. Юон, пейзажист, «певец России, красоты ее природы, красочных ее городов»³⁵, увлекся популяризацией авиации и написал картины «Первое приземление», «В день авиации», «Перед прыжком», «Подвеска бомбы к самолету». Такие темы, конечно, привносили в искусство оптимизм. Но аргумент из Блока вряд ли бы убедил адресата, потому что влияние великого поэта на Платонова уже состоялось, и как раз по той линии, которую Шкловский и Щербаков хотели совместными усилиями ослабить или устранить, – по линии трагического сознания. Тезисы поэта («...в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач...»; «...мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной»³⁶) были Платонову ближе и созвучнее, чем рационалистические и практические советы Шкловского. Платонов, как и Блок, видел в истории прежде всего личные трагедии, ценой которых осуществляется движение истории, его беспокоило, то же, что давно волновало автора «Возмездия»: «Человеческая культура становится все более железной»³⁷. Оппоненты Платонова способствовали этому процессу. Примечательно, что в киносценарии

³⁴ Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1984. С. 15.

³⁵ К.Ф. Юон. Каталог-сборник. М., 1968. С. 67.

³⁶ Блок А.А. Возмездие // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 5. М., 1999. С. 49–50.

Шкловского, который лежит в архивном деле рядом с письмом, описан гидросамолет и его бой с подводной лодкой контрабандиста³⁸. Платонов был устремлен к иным ценностям.

Письмо агента власти завершается назидательно: «И еще раз: та формула, которую ты выводил, – земля скупа, она отдает меньше, чем даешь ей, она удерживает, вычитает, – она неправильная». И это поучение позаимствовано из речи Щербакова: «Через весь рассказ проведена идея скупости природы, ее враждебности к людям...»³⁹.

Давно известно, что в 1930-е гг. Платонов неоднократно был «в журнале повешенным», его прорабатывали в газетах, на писательских собраниях, в кабинетах литературных чиновников. Письмо Шкловского показывает, что власть использовала еще и такой ресурс «перевоспитания», как индивидуальное влияние на писателя его личных знакомых. Но и против такой меры воздействия у Платонова был иммунитет: он знал, что настоящая дружба бывает тогда, когда любят просто так, «ни за что»⁴⁰, когда за похвалу не требуют политических уступок и видоизменения духовной программы.

Сведения об авторе:
Владимир Васильевич Перхин,
докт. филол. наук
профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
факультет журналистики

Perkhin Vladimir,
Doctor of Philological Science
Professor
Saint Petersburg State University
Faculty of Journalism

³⁷ Блок А.А. Стихия и культура // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 8. С. 93.

³⁸ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 12. Ед. хр. 28. Л. 47–57.

³⁹ Речь А. С. Щербакова. С. 3.

⁴⁰ Дарственная надпись Платонова С. Ф. Буданцеву от 6 октября 1937г. Цит по: Перхин В.В. Русские литераторы в письмах (1905–1985). С. 238.